

Драматургия А. П. Чехова

В 1898 году, просматривая на сцене пьесу «Дядя Ваня», Алексей Максимович Горький писал А. П. Чехову: «...Вы — талант разительный сильный... Слушая вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это... Я вообще не знаю, как сказать вам о моем преклонении перед вами, не найду слов, и — верьте! — я искренен. Вы могучий талант».

Через два года после этого в связи с появлением повести А. П. Чехова «В вараге» А. М. Горький в большой статье, посвященной анализу основных линий творческого движения А. П. Чехова, дал другое замечательное свидетельство: «Все чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжелый и меткий упрек людям за их неумение жить, все красивее светит в них сострадание к людям... Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

В этих двух высказываниях А. М. Горького дан ключ к пониманию всего творчества Чехова, в частности — его драматургии.

Широко известно, какой густой паутиной клеветы и непонимания было окружено творчество великого писателя-реалиста в истолкованиях литературных корифеев тогдашнего народничества. Раздраженные чеховским отрицанием народнической догмы и низвержением народнических кумиров, они настойчиво заявляли, будто Чехов вообще не имеет никаких идеалов и никакого мировоззрения, безразличен к изображаемому явлению, а потому куда не идет сам и не зовет читателей. Основными чертами его творчества объявлялись безверие, пессимизм, безнадежность. Эта клевета оказалась настолько липкой, что ее проявления наблюдались даже в 20—30 годы нашего столетия.

Приписать все это Чехову было нетрудно,

так как многим героям его рассказов и драм свойственны безверие и скука, дешевый скептицизм и жизненная пустота. Однако писатель превосходно понимал, что все эти черты являлись симптомами загнивающего и разлагающегося буржуазно-дворянского общества и в своем творчестве не утверждал, а отрицал их.

Известен замечательный некролог великому русскому путешественнику Н. М. Пржевальскому, напечатанный Чеховым в 1888 году. Этот некролог — подлинный гимн в честь сильных людей-героев утверждающих в жизни положительный идеал и составляющих «самый поэтический и жизнерадостный элемент общества». Такие люди, по убеждению Чехова, «нужны, как солнце... Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничавших во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, ...есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознательной цели».

Такое преклонение перед людьми благородной идеи, сильной воли и героического подвига идет у Чехова, конечно, не от мировоззрения и настроений обанкротившейся народнической интеллигенции, а от пробуждавшейся в те годы и искавшей выхода народной силы. В. И. Ленин с большой выразительностью раскрыл подспудное действие этой силы в восьмидесятые годы, которые рассматривались народниками как сплошь реакционные. «...В России не было эпохи, про которую бы по такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! — писал Владимир Ильич... — Именно в эту эпоху всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания» (Соч., т. 10, стр. 230). Огромные успехи, достигнутые тогда передовой русской философией, нашей наукой (в частности — естествозна-

нием), нашим искусством (живописью, музыкой), литературой, создались на этой основе.

Сильнейшие токи высокой народной мысли прошли и через все жизнепонимание Чехова. Писатель не имел и не создал до конца жизни ясной политической программы, не определил и не понял правильной, марксистской тактики политической борьбы. Но действие лучших демократических традиций прошлого и благородных идей современности, честные и острые наблюдения над общественной жизнью, большой опыт труженика-демократа породили в нем, с одной стороны, глубокое осуждение свиновых мерзостей и неправды обывательской мещанской жизни, а с другой, — страстное стремление вырвать людей из этого болота и показать им облик другой, настоящей, благородной трудовой жизни во имя которой стоит бороться. Две эти черты, слитые вместе, в оправе изумительного, неповторимо своеобразного мастерства Чехова, составляют главное существо его творческой личности.

В драматургии Чехова эти замечательные черты и принципы его творчества нашли полное выражение.

Чехов-драматург оставил нам в наследство свыше 20 пьес, которые разделяются на драматические миниатюры, шутки и сцены, с одной стороны, и пьесы большой драматургической формы — с другой. И те и другие до сих пор не сходят со сцены наших театров и глубоко волнуют советских зрителей. В СССР нет ни одного сколько-нибудь значительного населенного пункта, где чеховские пьесы не ставились бы либо приезжими профессиональными, либо местными любительскими труппами.

Драматические миниатюры писателя, составлявшие своеобразную параллель его мелким рассказам, никогда не производили на передовых зрителей и читателей впечатления только увеселительных маленьких пьес. Чуткий зритель наблюдал в «Свадьбе», «Юбилее», «Предложении», «Медведе» пестрый базар житейской суеты, смеялся над мелкими обывателями,

устраивавшими нелепую бутафорию юбилейных торжеств или нарядную «свадьбу с генералом». Однако вместе с беззаботным смехом у него рождались другие чувства и настроения, исполненные серьезности и грусти. Через шутку и веселый анекдот зритель поднимался вслед за автором к пониманию существа тогдашней жизни, в которой так сильны были и крепостнические пережитки, и застойность мещанского быта, и непроходимая пошлость, и тупой бюрократизм, и подлое подхалимство. Он в конце концов начинал сознавать, что показанные ему уродства — типичные, господствующие явления действительности России эпохи самодержавия, что за ними — целое море страданий миллионов людей. Очень ярко выразил сложную гамму этих настроений Горький в своем первом письме к Чехову: «Сколько дивных минут прожил я над вашими бытигами, сколько раз плакал над ними и злился, как волк в калкене, и грустно смеялся подолгу».

В своих крупных драматических произведениях «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» Чехов проявил громадное мастерство художника-мыслителя и новатора, унаследовавшего лучшие традиции идейной демократической и реалистической драмы, открывшего новую страницу в истории русского и мирового театров.

Одно время было широко распространено мнение, будто эти пьесы во всех отношениях контрастны драмам А. Н. Островского и Чехов вообще ставил своей задачей «отменить» всю предшествовавшую драматургию, как отжившую свой век. Такое мнение, конечно, глубоко неверно. Чехов с большим уважением относился к творчеству своих гениальных предшественников в драматургии — Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Островского, Тургенева, Л. Толстого. Он высоко ценил у них идейность, глубину показа народной жизни, актуальность тематики, могучее революционизирующее действие на читателя и зрителя. Этими замечательными чертами писатель наделял и собственные драматические произведения. Чехов ставил в них огромные проблемы общественной жизни в эпоху, когда страна вступала в новый, протестарский период революционного движения. Он показал кризис и несостоятельность либерально-народнической интелли-

генции, окончательное крушение дворянской усадьбы и появление в ней новых, буржуазных хозяев, тоскливую пустоту и пошлость жизни даже лучших людей этого круга, бесконечно трудное, мучительное существование народа. Писатель смело отрицал все отживающее и одновременно дал апологию честного творческого труда, свободной человеческой мысли, самоотверженного служения людям. Всем этим его пьесы естественно продолжили благородные традиции демократической русской драматургии.

Но, опираясь на эти традиции и следуя им, Чехов одновременно выступил и как смелый новатор, неизмеримо расширивший способы и возможности воздействия театра на зрителя. Со свойственной ему тонкостью, остротой и силой мысли он пришел к выводу, что путь к решению этой проблемы лежит не в усилении сложности и динамичности событий и происшествий, а в более тонком, глубоком и многообразном проникновении во внутреннюю жизнь отдельных людей и человеческих коллективов.

А. П. Чехов дал в своих драмах изумительные образцы такого проникновения. Помимо прямых столкновений людей и открытых монологов, он использовал для обнаружения «внутреннего человека» множество других средств — и многоговорящие паузы, и отдельные лирические реплики, и совершенно неожиданные изгибы в логике речи, и характерную речь персонажей, и особые волнующие звуки (набатный звон, звук лопнувшей струны, стук топоров, вырубавших вишневый сад), и гармонизирующие с настроениями героев картины из мира природы (колдовское озеро в «Чайке», отблеск пожара в «Трех сестрах»). Такими приемами он сумел придать своим пьесам особую тональность, благодаря которой настроения их героев приобретали огромную силу выражения. Известно, как широко и тонко использованы все эти средства Московским Художественным театром и его гениальными руководителями, творчество которых оказало огромное влияние на весь мировой театр. Говоря о том, как много дали МХАТу чеховские пьесы, К. С. Станиславский заявил, что Чехов «угончил и углубил наши знания о жизни вещей, звуков, свете на сцене... Сумерки, заход солнца, его восход, гроза, дождь, первые звуки утренних птиц, ступот

лошадей по мосту и стук уезжающего экипажа, бой часов, крик сверчка, набат нужны Чехову не для внешнего сценического эффекта, а для того, чтобы раскрывать нам жизнь человеческого духа».

В последние годы жизни Чехова в результате роста революционного движения его мечта приобрела большую конкретность. Она все теснее сближалась со стремлениями лучших сынов русского народа, вышедших на путь революционной политической борьбы. В одном из последних произведений — повести «Невеста» — Чехов прямо сказал, что счастье настоящей жизни возможно, близко и необходимо. Условие этого счастья — коренное изменение жизни, освобождение народа. Надо перевернуть жизнь, говорит здесь Чехов устами одного из героев. «От вашего города тогда мало по малу не останется камня на камне, ...все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди». «О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, — пишет Чехов, — когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным!».

Такая же мысль отчетливо выражена в последних драматических произведениях писателя. В широкой общей форме она встречалась и раньше, например, в мечтах Астрова о будущих лесах и садах, которые сделают Россию чудесной и прекрасной. В девятых годах она получила отчетливую и конкретную форму. Так Ирина из «Трех сестер» стремится к неустанному труду во имя светлого будущего, Тузенбах заявляет о том, что «пришло время, навигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря», которая сдует с общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку и после которой работать будет каждый.

Эта здоровая буря пришла в нашу страну в Октябре 1917 года — она действительно принесла нам счастливую трудовую жизнь. Строители этой жизни чтут память великого писателя-новелиста и драматурга Чехова, провозвестника нашего сегодняшнего дня.

Евг. БОГОЛЮБОВ,
доктор филологических наук.